

Вся наша жизнь БАЛЕТ

Если строгая дама с экрана провозглашает: «Белое не надевать! Обтягивающее не носить! И, наконец, не танцевать!», значит, она просто не любит балет. В балете присутствует и то, и другое, и третье, а еще грация, пластика и чувство сцены. У солистов балета Ольги и Михаила ЛАВРЕНТЬЕВЫХ это чувство даже не шестое - первое. Бенефис, посвященный двадцатилетию их творческой деятельности, прошел буквально вчера, а накануне мы решили поговорить о том... что все-таки чувствует мужчина, который вот уже два десятка лет носит жену на руках. А если серьезно... Впрочем, читайте сами.

**«Мадемуазель Нитуш»:
от возвышенного
до смешного —
два балетных па.**

- По традиции, все юбилейные разговоры нужно заводить с того, как все начиналось.

МИХАИЛ: - Лично у меня - непредсказуемо. В балет я попал, можно сказать, случайно. Учился на «троечку», на «четверочку». Пел в хоре мальчиков при красноярском Дворце пионеров. Школу музыкальную окончил по классу фортепиано. Дорос таким образом до тринадцати лет. И тут в Красноярске открывается хореографическое училище. Одна родительница из класса приходит к моей маме и говорит: а давай наших в балет отдадим!

Подали заявление, три этапа прошли без проблем, поступили. Причем я даже не представлял, что это такое. Помню, дети - те, что не прошли, плачут, а я удивляюсь - что плакать-то? А потом проникся. Потому что обстановка в училище - как в церкви: что-то такое в воздухе растворено - не объяснить. Никакого шума, никакой беготни, мальчики и девочки ходят ровненько, педагогам кланяются...

ОЛЬГА: - А у меня все было с точностью до наоборот. Я выросла в театре, за кулисами. Мама была вокалисткой в Пятигорском театре музыкальной комедии, отец играл в симфоническом оркестре.

Однако я при всем том к музыке не тяготела. Но как-то раз увидела из-за кулис, как солистка балета Люда Борзыкина встала в аттитюд и... пропала. Балет стал моей мечтой. Я наворачивала из простыней белые пачки, ходила на пальцах, по полдня смотрелась в полированную дверцу шифоньера...

После третьего класса меня повезли в Пермь, поступать в хореографическое училище. Я была просто уверена, что меня возьмут. И вдруг... не взяли: не хватало данных - выворотности, шага. Трагедия!

К счастью, в комиссии была старейший педагог училища Нинель Даниловна Сильванович. Она меня заметила, подошла потом и говорит: «Ты, девочка, не плачь! Покажу тебе упражнения. Буду летом отдыхать в ваших краях - посмотрю. Постарайся - все получится». И я взялась заниматься - колени в кровь, до изнеможения. Летом приехала Сильванович. Посмотрела. Я ей - дрожащим голосом:

- Нинель Даниловна, у меня есть сдвиги?
Она мне:
- Девочка моя, мы тут все со

сдвигами!

А через две недели пришел вызов. Потом были восемь лет учебы, а после выбор - Москва или Пермь. Сомнений не было - конечно, Москва! Столица! Известнейший музыкальный еврейский театр Шерлинга!

...В Москве я проработала ровно две недели. Жили кое-как в гостинице, дали 120 рублей подъемных на троих, зарплату платили не из кассы, а из кармана... В общем, позвонила я Шерлингу и сказала, что работать у него не буду. В ответ он распорядился запереть нас в номере до его приезда. От Шерлинга мы удирали через окно с чемоданами.

- Интересно получается: все бегут в Москву, а вы - из Москвы.

ОЛЬГА: - Как оказалось, всё к лучшему. Полгода танцевала в Краснодаре, потом в поисках самостоятельности меня потянуло на север. Я наугад ткнула в карту пальцем и написала письмо в Красноярскую оперетту. Имея в виду, разумеется, открытый город. Но в Красноярске-то была музыкальная комедия! Так я попала в Красноярск-26. А Миша там уже год работал.

МИХАИЛ: - Да, в 1984 году после училища Тамара Александровна Вьюгина пригласила в театр двух мальчиков, меня и Андрея Авраменко, и одну девочку - Таню Смирнову. Честно признаюсь: попав в оперетту, я был слегка ошарашен ощущением своей... ненужности, что ли. В оперетте главные - вокалисты, а ты кусочек станцевал - ушел. Станцевал - ушел! А мне-то нужно было, если уж танцевать, так минут пятнадцать, не уходя со сцены! Как в Театре оперы и балета, где мы практику проходили. К оперетте же нужно было привыкать. Но при всем том, что мы были молоденькие желторотые, все нас поддерживали. Прощали огрехи, показывали, что и как, подсказывали...

- «Прописывали»...

МИХАИЛ: - Было дело! Вот, например, нас только-только ввели в спектакль «Вечер чудесных обманов». Мы даже мизансцен не знали. И тут Эдик Сафонов с Юрой Журавлевым нам и говорят:

- Так, вам сейчас надо будет пройти от одной кулисы до другой! Только в таком образе, как будто вы чего-то боитесь.

Сказано - сделано. И вот мы с Андреем крадемся. Оглядываемся. Стараемся-я... На сцене - любовный дуэт. А тут мы, та-

кие интересные. Вьюгина - из-за кулис: «Лаврентьев!!! Авраменко!!! Что вы там ходите?!» А труппа со смеху покатывается.

ОЛЬГА: - Это так, по мелочи. Относились-то к делу все равно серьезно. В стольких постановках работали, спектакля нет - все равно репетировали: утро-вечер, утро-вечер. Стабильно. Два балетмейстера было - Лепилина и Вьюгина, одна ставила современные танцы, другая - все больше классику.

- Тогда же и сложились ваш дуэт, о котором полшутя-полусерьезно говорят: «Михаил Лаврентьев танцует только со своей женой. Если жены нет, Лаврентьев не танцует!»?

МИХАИЛ: - Ну, конечно, сначала танцевали с разными партнерами, но пара сложилась довольно быстро. И это очень важно. Когда люди долго работают вместе, они понимают друг друга без слов, с полувзгляда, с полжеста. Эту слаженность движений можно сравнить с игрой пианиста, который создает музыку, а не подбегает каждую ноту. Зритель не должен чувствовать, легко ли тебе выполнить поддержку, он должен видеть танец, экспрессию, динамику. Вот почему мы друг без друга сольные номера не исполняем.

- Насколько мне известно, хореографию многих своих концертных номеров вы уже много лет ставите сами.

МИХАИЛ: - Во всяком случае, стараемся. Безусловно, балету необходим хороший руководитель. Балетмейстер - это скульптор, который «лепит» артиста, знает все его возможности, помогает раскрыться. Нам остро

не доставало Вьюгиной после ее ухода. Конечно, к нам приезжали замечательные постановщики - Осмоловский, Рубинская, но, по большому счету, мы были предоставлены сами себе. И сами собой же и занимались. Сами же выжили из класса, придумывали номера, искали музыку, рисовали эскизы костюмов. Театрального репертуара было мало, а мы все время хотели работать.

ОЛЬГА: - И мы благодарны людям, которые нас в этом поддерживали. Благодарны Галине Ивановне Афанасьевой - она всю жизнь создает нам костюмы. Два кусочка тряпочки может сшить так, что я надену - и мне хочется бежать на сцену. Мы не представляем себя без творческого участия Владимира Борисовича Илюшина с его потрясающим художественным видением сцены. А партнеры - Юра Журавлев, Олег Рябец, Эдуард Сафонов, Виктор Киселев? Да этим ребятам на сцене можно было верить как себе.

МИХАИЛ: - Отдельное спасибо Леониду Аркадьевичу Балабайченко. Это он оркестровал все наши номера, выслушивал и до сих пор выслушивает наши идеи и пожелания. Он - наш соавтор, и какой! Помню, ставили спектакль «Не гаси фонарь, Диоген!». Ночь, все спят, и вдруг звонок от Балабайченко:

- Миша!!! Вот три такта!!! Я тебе играю!!!

Трубку на пианино кладет - пам-пам-пам! А потом опять кричит:

- Ну, как?!

И так постоянно.

- Не зря говорят: творчество - это сумасшествие, коллективное или индивидуальное.

ОЛЬГА: - По другому и не скажешь. Я иной раз на кухне возжусь, готовлю - семья, дети, все есть хотя... Влетает Миша - он уже что-то придумал, хватает меня прямо с половником:

- Так! Быстро! Пробуем!

Представляете? У меня все кипит, а мы с ним тут пробуем...

МИХАИЛ: - Зато идея приходит, как озарение! Ждать некогда! Как озоранию! Ждать некогда! Номер «Последнее танго», например, родился из прочтения статьи о судьбе русского офицера-контрразведчика, который при всей своей осторожности заплатил жизнью именно за страсть к танго. А о бенефисных «Квазимодо и Эсмеральде» я мечтал восемь лет. А поставил за одну ночь. Если говорить о каких-то итогах, вспоминаются именно такие вещи.

- Некоторые утверждают, что жизнь артиста - это вообще сплошной экстрим.

МИХАИЛ: - Не так, чтобы вся жизнь, но временами бывает интересно. Как наша свадьба, например. После некоторого периода совместного проживания мы решили зарегистрироваться. Официально. Подаем заявление, и когда подходит наш срок, труппа уезжает на гастроли в Хакасию... Жениться мы в Черногорске. По блату. После регистрации отдохнули часика два - и на спектакль. Играли премьеру «Герцогини из Чикаго». После спектакля накупили еды, стол соорудили, всю труппу у себя в номере собрали.

ОЛЬГА: - «Горько!» нам успели крикнуть только один раз: почти одновременно в дверь постучали. На пороге стояла дежурная по гостинице: «Если вы не прекратите это безобразие, я вызову милицию!» И всем при-

шлось разойтись по номерам. Такая вот театральная свадьба.

- Дети тоже театральные?

МИХАИЛ: - Отчасти - да. К сожалению. Кристине было два месяца, а Ольга уже вышла на сцену. Дочку приносили за кулисы: пока один танцует, другой её держит, потом передается. Через десять лет родился Матвей - опять Кристине досталось: мы работали, она с ним нянчилась. Сцена же забирает все, без остатка. Иной раз ужинаем садимся, что-то обсуждаем, а дети:

- Опять вы про свою работу! Надоело уже!

ОЛЬГА: - Но семья, дом - это, все-таки, для нас главное. Я очень люблю готовить, люблю, когда в доме чисто и уютно.

- Вопрос из области психологии: а не наскучивает всю жизнь работать бок о бок?

МИХАИЛ: - Как ни странно, нет. Двадцать лет мы вместе, и скучно нам никогда не было. Наоборот: общие интересы - это так сближает! А работали бы в разных сферах - она в театре, а я на заводе - и о чем бы говорили? Она мне про театр, я ей про гайки? А так у нас все общее. Даже судьба.

Я скажу сейчас, может быть, непривычную мысль, но судьба наша странная и страшная. Двадцать лет отдано сцене, пора на пенсию, а что дальше-то? Тебе еще сорок, вроде, нестарый еще. А работать негде, и ничего, кроме танца, ты делать не умеешь!

- Но ведь есть примеры того, как люди танцуют и в пятьдесят.

ОЛЬГА: - Танцевать-то можно, как сказал Григорович, - «смотреть на это уже нельзя». Балет - искусство молодых, это легкость тела, обаяние. А к сорока годам у артиста балета уже есть багаж накопленных травм, ушибов-растяжений, у меня вот хрящи в коленных суставах стерты... И все-таки, это моя жизнь. Другой не было, и я благодарна Богу, что двадцать лет отдала этой сцене.

МИХАИЛ: - У меня есть привычка - хранить театральные афиши, программки, публикации. Кто-то говорит: «Зачем? Это никому не нужно!»... Зато это нужно мне - ощущать, что что-то все-таки делал, что-то создавал. Все-таки в театре есть нечто необъяснимое, что держит и не отпускает тебя всю твою жизнь...

Беседовала Светлана КОРШУНОВА

**Авто = постановочное,
костюм = сценический,
через два часа = иллюзия
спектакля.
Зато любовь = настоящая!**